
РАКУРСЫ

Е.Б. ШЕСТОПАЛ*

ВЛИЯНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НА ПУБЛИЧНУЮ ПОЛИТИКУ¹

Аннотация. Влияние общества на публичную политику предполагает признание его как самостоятельного политического игрока, соучастника принятия государственных решений. Однако в самой трактовке общества редко уделяется внимание тому психологическому состоянию (ПСО), в котором оно находится в каждый конкретный момент. В статье обсуждаются результаты исследования, которое описывает текущее психологическое состояние российского общества и возможности его влияния на публичную политику. Исследование выявило две группы характеристик ПСО. Первая способствует выполнению обществом своей роли в публичной политике: это рост самосознания общества, высокий уровень запроса на активизм, изменение политической оптики, в частности рост когнитивной сложности и четкости политических представлений. Но одновременно полученные данные указывают и на второй тренд: это возросший за период пандемии негативный эмоциональный фон, традиционную в последние десятилетия политическую пассивность, индифферентность, отсутствие политического интереса, которые представляют не меньшую угрозу для стабильности, чем агрессивность, протест и возмущение. Этот тренд говорит о слабой готовности общества к

---

* **Шестопап Елена Борисовна**, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: shestop0505@rambler.ru

¹Проект по гранту РФФИ-ЭИСИ 21-011-31386 «Теоретико-методологические основания диагностики психологического состояния общества в современном российском политическом контексте».

политической мобилизации, которая необходима перед лицом пандемии и военных угроз. Однако позитивные изменения затрагивают ядро ПСО, тогда как негативные происходят по большей части на его периферии. Поэтому происходящие в настоящее время изменения ПСО можно в целом оценить как достаточно позитивные, хотя и неустойчивые, так как ПСО носит реактивный характер на решения и действия властей.

Ключевые слова: психологическое состояние общества; публичная политика; политическая психология.

Для цитирования: Шестопал Е.Б. Влияние психологического состояния российского общества на публичную политику // Политическая наука. – 2022. – № 3. – С. 181–203. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.03.09>

Введение

При всех различиях в трактовках публичной политики [Управление публичной политикой ..., 2015; Якимец, 2004] общим между ними является признание важности **общества** как самостоятельного политического игрока, соучастника принятия государственных решений и фактора, который власть вынуждена учитывать в этом процессе [Соловьев, 2021, с. 184]. Формально эта роль признается законом и реализуется через механизм выборов. Но в реальности власть, государственный аппарат как наиболее активная сторона управления имеет возможность влиять на общество и не дать ему выйти из-под контроля. Вполне закономерно, что власть начинает по-настоящему учитывать общество только тогда, когда оно угрожает политической стабильности.

Специалисты по публичной политике чаще фокусируют внимание не на обществе в целом и составляющих его индивидах, а на общественных институтах (неправительственных организациях, различных организованных формах гражданского общества) [Беяева, 2007; Никовская, 2008; Сунгуров, 2012; Соловьев, 2019]. Что же касается неинституционализированных форм общественной жизни, и особенно их изменчивых состояний, то они привлекает куда меньше внимания исследователей. Среди разнообразных аспектов этой проблемы мы остановимся на том, как текущее **психологическое состояние общества (ПСО)** может влиять на публичную политику, позволяя (или не позволяя) обществу стать соучастником принятия политических решений и партнером государства в управлении.

Особенно важно учитывать этот фактор в ситуации кризиса (пандемии), которая меняет восприятие гражданами политики, их представления о действиях власти, что во многом определяет и публичное политическое поведение.

Задачу нашего исследования мы видели в том, чтобы эмпирически зафиксировать и описать различные формы проявления ПСО и попытаться понять, во-первых, какое влияние они могут оказать на политическое развитие страны сегодня, во-вторых, как ПСО изменилось в ходе пандемии, в-третьих, какие последствия для публичной политики могут иметь те настроения, образы и ценности, которые доминируют в обществе в настоящий момент.

Теоретические подходы к анализу ПСО

Анализ литературы по данной теме позволил очертить поле теоретических подходов и сформулировать собственную концептуальную модель. Так, в *социально-психологической* литературе довольно широко представлены различные подходы к анализу отдельных компонентов ПСО: это исследования *ценностей, ценностных ориентаций* [Нестик, 2018 ; Яницкий, 2012 ; Магун, Руднев, Шмидт, 2015 ; Пишик, 2019], *социального доверия* [Макушева, Нестик, 2020] и *характеристик образа будущего* [Нестик, 2018].

В *политологической* литературе данная проблематика представлена лишь единичными работами [Урнов, 2008]. При этом, если положительные эмоциональные состояния чаще анализируются в контексте социально-экономических процессов, то страхи и тревоги рассматриваются преимущественно в политической проекции, поскольку «состояние политического страха имманентно встроено в политический процесс» [Россия на новом переломе ..., 2009; Радиков, 2017, с. 49]. Речь идет об использовании страха как политического инструмента, и даже о возникновении феномена «страха как политики» [Дуткевич, Казаринова, 2017].

На протяжении всего постсоветского периода отечественные *социологи* ведут изучение динамики политических настроений, интересов и ожиданий, страхов и тревог у отдельных социальных групп, жителей разных регионов [Россия на новом переломе ..., 2009]. В этих работах акцент, как правило, делается на распро-

странности того или иного настроения, или эмоции в обществе. При этом психологические механизмы, запускающие эти состояния, и их влияние на политический процесс находятся за рамками исследований.

Концептуальная модель исследования

Наш подход к изучению ПСО предполагает анализ как психологических механизмов, процессов и состояний общества, так и их влияния на политический процесс. С нашей точки зрения, психологическое состояние общества можно определить как *совокупность массовых и коллективных настроений, представлений, образов, ценностей и установок, влияющих на функционирование публичной политики*. ПСО проявляется в процессе восприятия гражданами сферы политики и отражается в образах власти, политических институтов и лидеров.

В ПСО присутствуют как *ситуативные*, неустойчивые и зачастую неосознаваемые настроения, так и *более глубинные и долгосрочные явления*: кризис идентичности, политическая радикализация, падение доверия населения к власти и др. Эти тренды наблюдались в постсоветской России и ранее [Власть и лидеры ..., 2019], но они существенно обострились в период пандемии, что изменило характер их влияния на политику. Такие настроения, переживания, представления и образы являются реакцией общества на реальные или воображаемые события, и служат важными индикаторами готовности или неготовности населения к политической мобилизации – и в текущий момент, и особенно в средней и долгосрочной перспективе.

Сами массовые психологические состояния можно условно разделить как *по эмоциональному знаку* (*позитивные и негативные*), так и *по характеру эмоциональных переживаний* (всевозможные *пассивные* проявления апатии, уныния, тоски и других депрессивных переживаний и *активные* формы поведенческих реакций: раздражение, возмущение, озлобленность, агрессивность). Представители власти, как правило, рассматривают в качестве фактора риска второй тип реакций, которые напрямую угрожают устойчивости политической системы. Однако, на наш взгляд, не меньшую опасность представляют состояния апатии,

политического цинизма и недоверия к власти, которые в постсоветской России все последние десятилетия существенно преобладали над агрессией и протестными настроениями. Они ведут к демобилизации населения перед лицом внутренних и внешних угроз стране.

В структуре ПСО следует также выделить ядро и периферию. К ядру можно отнести наиболее устойчивые политические представления, образы и ценности. Они меняются достаточно медленно и постепенно. Ядро психологической структуры массового сознания связано с традициями национальной политической культуры. Поэтому их влияние на политическое развитие страны намного глубже и сильнее. При этом очевидно, что несмотря на изрядную устойчивость этих ключевых элементов сознания, они тоже претерпевают изменения, но последние происходят значительно медленнее, и их колебания в отличие от собственно эмоциональных компонентов сознания не меняют кардинально общую политическую картину мира граждан. Массовые настроения и непосредственные эмоциональные реакции общества на те или иные события, политические решения власти и лидеров являются периферическими элементами массового сознания российского общества и могут меняться резко и спонтанно.

С одной стороны, ПСО определяется преобладанием в обществе тех или иных состояний, которые формируются на уровне личности и малой группы, но при этом носят массовый характер, т.е. широко распространены.

В структуре ПСО также необходимо учитывать два слоя переживаний. Первый имеет рациональный характер, связанный с политическим интересом, тогда как второй – это не до конца осознаваемые эмоциональные реакции.

Опираясь на данные мультидисциплинарных исследований [Черныш, 2019 ; Леонтьев, 2020 ; Емельянова, Дробышева, 2016], мы можем предположить: для того чтобы ПСО могло оказать позитивное влияние на публичную политику, необходимо чтобы граждане обладали общим (не только политическим) позитивным эмоциональным настроением, умеренным уровнем тревожности и страхов, определенным уровнем политического доверия, позитивными образами власти и лидеров, определенным уровнем политического интереса, когнитивно сложными и четкими политическими представлениями, выраженными демократическими ценностями,

устойчивым, сформированным *мировоззрением, активизмом* и другими психологическими характеристиками, которые создают условия их влияния на публичную политику.

Таким образом, в соответствии с описанной выше концептуальной моделью в нашем эмпирическом исследовании мы сфокусировали внимание на таких компонентах ПСО, как общий эмоциональный фон, социально-политические потребности, политические ценности, образы и представления.

Характеристика исследования

Выборка. Эмпирическое качественно-количественное исследование было проведено на кафедре социологии и психологии политики МГУ в два этапа.

Первый этап (пилотаж) проводился в марте – апреле 2021 г. в Москве для отработки инструментария. На этом этапе было получено 78 интервью и столько же проективных тестов («Термометр»). Второй этап проходил в октябре – ноябре 2021 г. и включал проведение шести фокус-групп в Москве с представителями трех возрастных групп: младший (18–30 лет), средний (31–55 лет) и старший возраст (старше 56 лет). Отдельно были проведены фокус-групповые дискуссии с представителями разных профессиональных групп (учителя, врачи, студенты). Общее число участников – 60 человек. Кроме того, в восьми регионах (Москва, Московская, Челябинская, Свердловская, Орловская, Белгородская области, Республики Татарстан и Алания) были проведены фокусированные интервью и проективные тесты. Выборка составила 400 человек. Таким образом, в целом выборка составила 538 человек. И хотя выборка не репрезентативна для страны в целом, она была уравновешена по полу, возрасту и образованию, как это принято в качественных исследованиях. Исследование проходило в регионах разного типа (столица, центральные регионы, национальные республики).

Методология. В исследовании было использовано несколько методов. Так, для сбора данных были использованы фокус-группы, фокусированные интервью, проективные тесты (рисунок власти, рисунок региональной власти, «Термометр»), метод неоконченных предложений. Для обработки данных использовались

методы кодирования и шкалирования. Для количественной обработки данных использовался пакет SPSS.

Результаты исследования. Общие тренды в современном психологическом состоянии российского общества

Эмоции и настроения

Начнем описание результатов с того, как выглядит нынешнее ПСО, прежде всего в части эмоциональных оценок гражданами власти, политики, политиков, институтов. Сообщая о своих чувствах по отношению к власти вообще, опрошенные в фокусированных интервью дали 46,5% негативных, 18,3 позитивных, 9,8 амбивалентных и 12% нейтральных оценок. Таким образом, негативный эмоциональный фон в момент проведения исследования (октябрь – ноябрь 2021 г.) явно преобладал. Мы предполагали, что на это состояние могли повлиять те социальные ограничения, которые были введены властями в связи с пандемией на момент проведения исследования. Однако эта гипотеза подтвердилась лишь частично. Ответы респондентов, в которых содержалась позитивная оценка действий властей, в период пандемии оказалась почти на 10% выше, чем в оценках власти как таковой. В ответах была также и доля амбивалентных оценок. Это говорит о том, что хотя власть в целом и вызывает негативные чувства, однако респонденты довольно позитивно оценивают усилия государства по борьбе с COVID-19.

Другим нашим предположением было то, что конкретные социально-политические события могут вызывать как позитивные, так и негативные чувства. При этом мы полагали, что в нынешней ситуации эти события будут связаны прежде всего с экономическими проблемами. Это предположение также оправдалось лишь частично.

Так, **положительные чувства** вызывали прежде всего события, произошедшие в России или непосредственно с ней связанные (59%). В то же время события за рубежом (1%) или события общемирового масштаба (1,5%) оказались практически незамеченными нашими гражданами. Такая оптика говорит о том, что наше политическое «зрение» сузилось под влиянием борьбы за выжива-

ние до повседневных нужд. Это подтверждается и тем, что одной из наиболее часто упоминаемых позитивных оценок власти были выплаты 10 000 рублей пенсионерам и семьям с детьми, которые были восприняты как серьезная поддержка. Однако потребности людей не сводятся к сугубо материальным вопросам. Неожиданно много опрошенных отметили как позитивную меру властей введение Пушкинской карты, которой они активно воспользовались. Более того, среди положительных событий последнего года экономическая (19,9%) и социальная (25,25) сферы уступают место политике (32,33%). Чаще других здесь упоминались выборы в Думу и региональные органы власти, принятие поправок в Конституцию, перепись населения, празднование Дня Победы. При этом респонденты говорили не просто о факте выборов, но и о хорошей и прозрачной их организации, о том, что хотя их кандидат или партия не прошли в Думу, но все же выборы были справедливыми. Это – хотя пока и не преобладающий, но очень позитивный новый тренд в общественном сознании.

Важной для части опрошенных была оцениваемая ими позитивно возможность критически высказываться в адрес власти. Так, позитивно они оценивали успех КПРФ на выборах в Думу, митинги в защиту Навального, получение Муратовым Нобелевской премии мира, «подвиг» программиста, вскрывшего факты пыток в тюрьмах и т.п. Одновременно другая часть опрошенных высказывала позитивные эмоции по поводу ареста того же Навального. Это говорит о расколотости массового политического сознания на сторонников и противников власти. Причем число тех, кого власть раздражает, явно возросло в период пандемии. Этому способствует тот негативный эмоциональный фон, который напрямую ни с событиями, ни с действиями властей может быть и не связан, хотя власти дали немало поводов для недовольства достаточно неуклюжей кампанией принудительной вакцинации.

Среди источников **негативных эмоций** у опрошенных оказалось еще больше событий, произошедших внутри страны и непосредственно с ней связанных, – 76,5% по сравнению с 59% позитивных. Но несколько больше было и тех раздражающих граждан событий, которые происходили за рубежом (3,3% по сравнению с 1% вызвавших положительный отклик).

Примечательно, что именно внутривнутриполитическая повестка больше раздражает граждан, чем удовлетворяет (67% негативных

эмоций против 41,5% позитивных). Вполне ожидаемо, что качество здравоохранения вызывает в период пандемии изрядное недовольство. Но еще больше тревожит даже не сама пандемия, к которой общество привыкло за два года, а принудительность вакцинации.

Удивительно, но факт: среди событий, вызвавших негативные оценки, экономическая сфера имеет минимальное значение (всего 8% ответов). И это притом что материальные запросы явно удовлетворялись недостаточно (см. табл. 1.).

Таблица 1

Какие общественно-политические события за последний год вызвали у вас негативные эмоции?

Сферы, в которых произошли события	% от общего числа респондентов
Экономическая	8
Социальная	21,5
Политическая	67
Культурная	2,0
Образование	1,1
Спорт	0,9
Здравоохранение	8,6
Другое	3,2
Никакие	7,4

Общий эмоциональный фон во многом окрашен состоянием психологической неустойчивости: *«Нестабильность, неуверенность в будущем, неясность и отсутствие поддержки со стороны государства. Каждый выживает, как может»*, *«Тревога о завтрашнем дне и нестабильность»*, *«Все очень просто – общество хочет выжить, но не знает, как»*. Кроме того, источником этого состояния нередко служит отмеченная многими респондентами противоречивость действий и заявлений властей, когда одни представители власти говорят об ужесточении мер борьбы с пандемией, а другие выступают против: *«Не поддающиеся никакой логике действия власти. Принудительная вакцинация. QR-коды»*.

Таким образом, во-первых, одни и те же события (выборы, арест Навального и др.) вызывают у граждан и негативные, и позитивные чувства. То есть общество разделилось в своем отношении к этим событиям. Во-вторых, в оценках власти много *амбивалентных* эмоциональных реакций: при общем негативном восприятии власти определенные ее действия вызывают поддержку, особенно если власть снижает состояние нестабильности и не-

устойчивости. И, в-третьих, при всех материальных и экономических проблемах на первый план стали выходить политические вопросы. Это можно рассматривать как политизацию массового сознания, которая может стать фактором риска, но вместе с тем данный тренд свидетельствует и о росте политического самосознания общества, гражданской зрелости.

Социально-политические ожидания

Описывая свои настроения и чувства в период пандемии, наши респонденты все же надеются на выход из кризиса. Для нас было важно установить, от кого опрошенные ожидают действий, способных сделать российское общество более позитивным и оптимистичным. Нередко можно слышать даже от экспертов о доминировании патриархальных, авторитарных представлений в нашем обществе. Однако полученные нами данные показывают, что ситуация намного более сложная (см. табл. 2).

Таблица 2

Кто, по вашему мнению, мог бы сделать российское общество более позитивным и оптимистичным?

Субъектность (кто должен совершить какое-либо действие)	Октябрь 2021, %
Власть, государство, политические институты	25
Политические группы, общественные объединения, партии	2
Президент	1,8
Народ (общество)	7,5
Абстрактный ответ (субъект отсутствует)	55,5
Другое	2,5
Нет ответа / затрудняюсь ответить	5,7
Содержание надежд	% от общего числа респондентов
Изменение политической системы (режима)	6,1
Смена верховной власти	15,3
Улучшение социально-экономических условий в стране (инфраструктура, медицина, образование и т.д.)	37,8
Победа в борьбе с пандемией COVID-19	9
Развитие самосознания общества	8,2
Выстраивание диалога власти с народом, улучшение их отношений	8,7
Ничего не нужно, все хорошо	1,3
Ничего уже не поможет, все плохо	4,2%
Другое	19

Приведенные данные показывают, что, *во-первых*, почти половина опрошенных не находят конкретных политических акторов, которые способны вывести общество из кризиса, что показывает большую степень неуверенности, растерянности и отсутствие доверия каким бы то ни было политическим силам. *Во-вторых*, на государство, власть, политические институты надеются четверть опрошенных. Можно спорить, много это или мало, но это намного больше, чем число тех, кто уповает на вмешательство в ситуацию лично президента. А это означает, что персонификация власти существенно снизилась и ни о каком авторитаризме, по сути, речи идти не может. Тем более что народ все чаще упоминается как сила, способная вывести страну из нынешнего кризиса.

И, *в-третьих*, при всем негативизме в отношении политики, власти, отдельных политиков лишь малая часть опрошенных связывает перспективу улучшения жизни в стране со сменой режима, верховной власти. Большинство видит смысл в улучшении социально-экономических условий (инфраструктуры, медицины, образования и т.п.), в выстраивании диалога власти с народом. Примечательно, что среди опрошенных чрезвычайно мало как записных оптимистов (строчка: ничего не нужно, все хорошо (1,3%)), так и отчаявшихся пессимистов (строчка: ничего уже не поможет, все плохо (4,2%)).

Если говорить об **ожиданиях в отношении власти**, то, несмотря ни на что, почти у только у 27,7% опрошенных ожиданий в отношении власти и надежды на нее нет. Большинство же эти надежды еще не потеряло (см. табл. 3).

Таблица 3

Чего вы ждете от российской власти сейчас?

Содержание	% от общего числа респондентов
Действий / преобразований в политической сфере	17,4
Действий / преобразований в экономической сфере (экономика, бизнес и пр.)	11,8
Действий / преобразований в социальной сфере (условия жизни, здравоохранение, образование, социальные конфликты)	27,4
Действий / преобразований в культурной сфере	0,3
Ничего не жду	27,7
Стабильности	4,9
Победы над пандемией	6,9
Улучшения отношений власти и общества (доверия)	7,4
Не мешать людям	1,8
Другое	18,7

Они связаны с прежде всего социальными преобразованиями. Примечательно и то, что преобразования в политической сфере стоят на втором месте. При этом, кроме безусловно необходимой материальной поддержки (58%), людям необходима и поддержка нематериальная. В ответах звучала необходимость поддержки науки, образования, культуры, Церкви, экологии. При этом примечательно, что наряду с заботой об обществе в целом, многие респонденты выделяли приоритетные группы, нуждающиеся в поддержке государства. Вполне ожидаемо, что 13,6% респондентов отметили необходимость помогать пенсионерам и незащищенным группам населения (инвалидам, сиротам и т.д.), 6,3% – детям и учителям. Но две категории нуждающихся в помощи властей нас удивили. Так, 7,1% респондентов назвали бизнесменов, и только 1% – медработников, которым досталось в пандемию больше всех. Возможно, такой акцент на бизнесе связан с тем, что наше общество за эти годы усвоило либеральные рыночные ценности и прониклось убежденностью в первоочередной важности бизнеса для нашей экономики. Допускаем, что граждане считают, что медикам и так уже прибавили зарплату. Нельзя исключить и то, что ответившие считают себя не менее нуждающимися, чем врачи и медсестры. Но во всех случаях эти данные не могут не вызывать у нас вопросы, нуждающиеся в дальнейших исследованиях.

Политические образы, представления, ценности

К числу таких устойчивых компонентов массового сознания граждан, которые значимым образом влияют на их поведение, относятся их образы власти, представления о ее носителях, понимание природы российской власти и ее функций и т.п.

Как показали наши многолетние исследования **образов власти**, шок, пережитый обществом после распада СССР, все три десятилетия давал о себе знать тем, что восприятие власти носило довольно негативный характер [Власть и лидеры ..., 2019]. И хотя постепенно наше общество начало приходить в себя, отношение к власти по-прежнему отличается негативизмом, недоверием, а сама власть воспринимается как далекая от общества, отчужденная от него. События последних двух лет наложили на оценки опрошенных несомненный отпечаток. Хотя по эмоциональному знаку об-

разы власти остаются негативными, но они тем не менее приобрели несколько иные оттенки даже в сравнении с теми, какими они были незадолго до пандемии. Об этом свидетельствуют приведенные ниже данные (см. табл. 4).

Таблица 4

**Как бы вы могли охарактеризовать власть
в современной России (эмоциональный знак)**

Эмоциональный знак	Окт. 2018	Окт. 2021
положительный	20,2	11,3
отрицательный	44,1	46,8
нейтральный	23	16,5
амбивалентный	6,4	23,3

Как видим, если позитивные образы снизились за эти годы на 9%, негативные и нейтральные остались почти на том же уровне, то амбивалентные оценки власти возросли почти в четыре раза. Эта двойственность восприятия власти, как можно предположить, обусловлена, с одной стороны, недовольством действиями властей в период пандемии, а с другой – признанием правильности важнейших решений власти. С чем-то они справляются лучше (вакцинация, поддержка широких слоев населения, поддержка бизнеса), с чем-то хуже (ношение индивидуальных средств защиты, работа в дистантном формате, введение дистанционного образования).

При этом изрядная часть выборки (38,5%) полагает, что власть не смогла справиться ни с чем. Следует обратить внимание на то, что скорее произошла потеря сторонников власти, нежели увеличение числа ее противников. Характеристики, которые люди дают власти, не просто отражают недоверие и осуждение, но и нередко содержат насмешку, неуважение, связанные с нелогичностью и несерьезностью действий власти в ситуации опасности и кризиса. Так, продолжая неоконченное предложение «Власть в России – это...», они дают такие определения: «*Это произвол, беспредел и цирк*», «*АБСУРД*», «*Власть в России – это ярмарка тщеславия*», «*это лицедеи*». Часто используются такие определения, как «неразбериха», «бардак», «беспредел», не говоря уже о совсем непарламентских выражениях. И это означает, что формируется качественно новая психологическая ситуация в обществе.

Что касается **представлений**, которые у наших респондентов сложились в отношении власти, то обращает на себя внимание тот факт, что они достаточно долго были когнитивно бедными и нечеткими. В настоящее время образ власти, хотя и остался довольно размытым, все же стал вполне четким у каждого третьего (33,8%) и, еще важнее, когнитивно более сложным (72,2%), что сильно отличается от допандемической ситуации.

Еще одно существенное отличие современных представлений о власти от недавнего прошлого состоит в том, что респонденты ответственность за благополучие граждан теперь не возлагают исключительно на государство и власть, придерживаются такой позиции только 35,5%, тогда как 21,5% считают, что ответственность лежит на обществе, а 30,8% – что власть и общество должны разделить ее между собой. Это весьма позитивная тенденция, показывающая растущий реализм и опору на собственные силы. Одновременно снижается и присущая нашей культуре персонификация власти, о чем говорит тот факт, что только 10,3% респондентов возлагают на президента ответственность за благополучие граждан и 13,3% упоминали в своих ответах конкретных лидеров, личности.

Объяснение этой тенденции можно искать как в разочаровании действиями властей, от которых уже просто ничего не ждут, так и в возросшем запросе на активизм в нашем обществе.

Представления граждан о власти в каждый конкретный период времени имеет конкретную конфигурацию (см. табл. 5).

Таблица 5

Кто обладает наибольшей властью в современной России?

Субъект власти	2017	2021
Президент	94,3	67
Премьер-министр	17,1	10,1
Администрация Президента	23,5	12,5
Государственная дума	33,6	9,9
Совет Федерации	13,5	3,4
Правительство РФ	24,9	13,2
Силловые структуры (ФСБ, МВД и др.)	52,8	26
Губернатор	8,1	6,5
Местная, муниципальная власть	10	2,9
Суд	12,3	2,1
Прокуратора	11,8	2,3
Армия	17,3	6,2
Политические партии	13,7	7,3

Так, на момент исследования во власти есть один безусловный центр – это президент. Силовые структуры (ФСБ, МВД) занимают второе по значимости место. При этом и власть в целом, и все ее субъекты стали восприниматься как менее влиятельные, чем еще несколько лет назад. Это снижение их влияния может быть вызвано весьма разными причинами.

Политические ценности, в отличие от эмоций и образов, имеющих нередко неосознаваемый характер, относятся к ядру представлений личности и являются вполне рациональными по своей психологической природе. Они, как правило, не спонтанны и складываются длительное время. Однако и на них оказывают воздействие такие серьезные события, как пандемия, приводящие к сдвигам в убеждениях, взглядах и ориентациях. Для сравнения возьмем данные, полученные после президентских выборов 2018 г. и в октябре 2021 г. (см. табл. 6).

Таблица 6

Как бы вы могли определить свои политические взгляды?

Политические взгляды	Окт. 2018	Окт. 2021
Либерал	11	15,5
Социалист	6,5	8,3
Анархист	2,7	1,6
Демократ	24,4	22,3
Радикал	1,6	1
Консерватор	13,4	7,9
Коммунист	8,8	9,8
Аполитичный	16,4	23,8

Прежде всего бросается в глаза рост числа аполитичных (почти на 8%). Первой реакцией общества на пандемическую угрозу стало привычное для нашего общества включение инстинкта выживания, что не сопровождается политизацией угрозы, отсюда и значительный рост тех, кто определил свои взгляды как аполитичные. Если все же говорить о том, какие политические силы выиграли и проиграли в ситуации пандемии, то обращает на себя внимание усиление той устойчивой тенденции, которая наблюдалась все последние десятилетия – выбор в пользу центральной части политического спектра и отказ от его радикальных полюсов (неважно – левых, правых или анархистских). И это притом что происходит ухудшение экономического состояния людей, которые теряют работу и сталкиваются с бедностью.

Больше других политических сил выиграли либералы, чуть меньше – социалисты и коммунисты. Немного потеряли консерваторы и демократы. Понятно, что определение политических ценностей, данное респондентами, далеко от строгой научности и чаще является ярлыком, заимствованным из медийного дискурса. Но оно интересно с точки зрения идентификации опрошенных с той или иной политической идеологией и ее политическими носителями. В современной политической лексике понятие «демократ», очевидно, ассоциируется с признанными политическими ценностями государства, закрепленными в Конституции.

То же относится и к консерватизму – официальной идеологии правящей партии «Единая Россия». Именно сторонники этих двух ценностей и потеряли небольшое число своих адептов. Но, во-первых, эти потери невелики. А во-вторых, они уравниваются столь же несущественным усилением сторонников левых (социалистов и коммунистов). Тут значимым является ничтожно малая доля радикалов, которая и до того была невелика, а за последнее время еще снизилась. В контексте недавних событий в Казахстане такая ситуация в России не может не радовать: наше общество в настоящее время явно не расположено к резкой политической конфронтации. В этом смысле Россия отличается от многих постсоветских стран, хотя ситуация может поменяться из-за возросшего запроса на активизм, которого не было на протяжении всего последнего десятилетия (см. табл. 7).

Таблица 7

Как вам кажется, что такое демократия?

1 ранг	2010	2013	2014	2016	2017	2021
Свобода	31,4	20,3	18,2	20,2	21,1	13,5
Равенство	8,7	7,5	21,8	7,5	10,2	4,5
Права человека	16,8	21,3	14,5	20,9	20,7	7,5
Личная независимость	5	4,8	5,5	5	5,5	0,5
Ответственность	5,5	6,7	10	8,9	10,2	1,5
Соблюдение законов	12	17,2	14,5	15,2	9,5	1
Активное участие в управлении государством	8,4	10,5	10	13,6	10,2	38,5
Сильное государство	12,2	11,2	5,5	6,6	12,6	0,8

В приведенной выше таблице обращает на себя внимание резкий рост сторонников ценностей активизма за последний период.

Можно предположить, что этот рост вызван убеждением опрошенных в необходимости перемен, причем в этих переменах они сами готовы принять участие. Примечательно, что одновременно наблюдается тенденция снижения всех остальных ценностей, будь то либеральные или социалистические, правые или левые. Особенно настораживает резкое падение таких ценностей, как соблюдение законов и сильное государство.

Заключение

Мы представили самые первые результаты, которые нуждаются в дальнейшем осмыслении. Попытаемся посмотреть на них под углом зрения готовности нашего общества соучаствовать в принятии политических решений наравне с властью. В настоящий момент в ПСО мы видим параметры, как снижающие возможности общества в качестве самостоятельного политического актора, так и усиливающие эти возможности.

Начнем с тех характеристик ПСО, которые **снижают** возможности соучастия общества в принятии политических решений.

Во-первых, это общий эмоциональный фон, сложившийся за два года пандемии. За этот период он серьезно снизился и сейчас *негативные эмоции* испытывают около половины опрошенных. Но сильно возросли амбивалентные оценки власти. Так, даже те, кто оценивает власть и государство со знаком минус и испытывает раздражение, страх и тревогу, все же, как правило, видят перспективу выхода из кризиса не в смене власти, а в социальных и экономических преобразованиях, которые должна провести все та же власть. Кроме того, многие, дававшие отрицательные оценки власти, тем не менее признают ее успехи в борьбе с эпидемией.

Во-вторых, большинство эмоциональных реакций общества лежит в зоне *политической пассивности, индифферентности, незаинтересованности*. И хотя немалая часть общества все еще уповаает на действия власти по выходу из кризиса, более трети опрошенных уже не ждут от власти ничего, что говорит о *низком уровне доверия к власти*.

В-третьих, преобладание пассивного ПСО является во многом продолжением той тенденции, которая наблюдается в нашей стране с 1991 г. При этом нельзя не видеть явного нарастания уг-

роз и вызовов и во внутренней, и во внешней политике. К политической мобилизации население не готово. ПСО неадекватно тем вызовам, которые стоят перед нашей страной. Таким образом, хотя в настоящий момент маловероятен рост протестной активности, способной дестабилизировать ситуацию, пассивность, абсентеизм, депрессивное состояние представляют собой иную, но не меньшую опасность, чем протесты, в силу недостаточной готовности нашего общества противостоять неожиданным вызовам, будь то эпидемия или военная угроза. Между тем к новым угрозам надо быть готовым не только с военной, научной или экономической точки зрения, но и с точки зрения психологической. А мы продолжаем жить, как раньше, как будто ничего не происходит. То есть умом мы понимаем угрозу, а на деле – никакой реальной мобилизации не происходит. Проблема в том, что в таком состоянии находится не только общество, но и элита, которая надеется, что все само рассосется. Именно в ее зоне ответственности и лежит мобилизация населения.

В-третьих, в период пандемии усилился и *негативный характер восприятия власти, лидеров*.

В-четвертых, наше исследование показало достаточно низкий уровень политического интереса. Почти четверть респондентов признались в аполитичности.

Таким образом, в период пандемии общий эмоциональный фон ухудшился.

Но в то же время в ПСО мы зафиксировали и противоположные тенденции, которые позволяют говорить о **появлении новых возможностей**, которые в настоящее время демонстрирует общество.

Так, **во-первых**, несмотря на рост уровня тревожности, страхов, депрессивных настроений примерно у половины опрошенных, респонденты все же сохраняют надежду на выход из кризиса. И хотя четверть из них уповают прежде всего на власть, у них постепенно складывается понимание и своей доли ответственности. Об этом свидетельствует то, что респонденты видят выход из кризиса в росте самосознания общества и выстраивании диалога власти и народа.

Во-вторых, за последнее время ценность активизма достигла самых высоких значений за последние 30 лет. Это подтверждают и данные других исследователей, которые отмечают рост за-

проса на перемены [Петухов, 2020]. Эта ценность пока не получила поведенческого подтверждения. Но сам факт ее упоминания делает ПСО совершенно иным по сравнению с допандемическим периодом.

В-третьих, анализ политических представлений показал, что они также претерпели серьезную трансформацию не столько в содержательном наполнении, сколько в характере «политической оптики». Так, если в предыдущий период политические представления отличала когнитивная бедность и нечеткость, то сейчас мы наблюдаем серьезный рост и четкости, и когнитивной сложности суждений наших респондентов о власти, лидерах, институтах. Складывается впечатление, что происходящие события во внутренней и особенно во внешней политике прибавили российскому обществу реализма и улучшили его политическое «зрение».

Поскольку **позитивные** изменения затрагивают ядро ПСО, тогда как **негативные** по большей части происходят на его периферии, то в целом можно констатировать, что происходящие в настоящее время трансформации массового политического сознания позволяют оценивать их с определенной долей оптимизма. При этом, поскольку эмоциональное состояние общества остается весьма неустойчивым, возможно как поступательное движение, так и шаги в обратном направлении. Во многом ПСО носит реактивный характер в отношении решений и действия властей, а последние отличались изрядной противоречивостью и непоследовательностью.

E.B. Shestopal*

The Psychological Influence of Russian Society on Public policy¹

Abstract. The societal role in the public policy presupposes it's recognition as an independent actor of political decision-making. But tackling the society rarely pays attention to its' psychological state in each moment of the time. The paper discusses the results of the study that describes the current psychological state of Russian society and its' capability to influence public policy. The author distinguishes two main trends.

---

* **Shestopal Elena**, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: shestop0505@rambler.ru

¹ The project "Theoretical and Methodological Basis of Diagnosis of Psychological state of Society" was supported by RFBR grant 21-011-31386.

The first trend facilitates the societal role in public policy, i.e.: the growing level of society's self-consciousness, high level of activism demand, the change of political «optics», in particular the growth of cognitive complexity and precision of political representations. The second trend is opposite to the first as during last two years Russian society was affected by the growth of negative emotional background, raise of political indifference, lack of political interest that are not less dangerous to stability of the state than riots, aggressiveness, protests. This trend shows the lack of readiness to mobilization that is necessary in the face of pandemic or military risks. But positive changes in psychological state of society concern the core of this phenomenon as the negative affects it's periphery. It permits us to evaluate the changes in psychological state of Russian society as rather positive, though not stable ones.

Keywords: psychological state of Russian society; public policy; political psychology.

For citation: Shestopal E.B. The psychological influence of Russian society on the public policy. *Political science (RU)*. 2022, N 3, P. 181–202. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.03.09>

References

- Belyaeva N. Ju. Public policy in Russia: resistance of environment. *Polis. Political studies*. 2007, N 1, P. 22–31. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2007.01.03> (In Russ.)
- Chernysh M.F. Factors of influence on the state of happiness in the contemporary Russian society. *Sociological science and practice*. 2019, Vol. 7, N 2, P. 9–33. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6407> (In Russ.)
- Dutkiewicz P., Kazarinova D.B. Fear as politics. *Polis. Political studies*. 2017, N 4, P. 8–21. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.02> (In Russ.)
- Emelianova T.P., Drobysheva T.V. Particularities of manifestations of collective emotions toward significant social events. *Science. Culture. Society*. 2016, N 2, P. 91–104. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Krumm R., Petukhov V.V. (eds). *Russia at a new turning point*. Moscow: Alfa, 2009, 160 p. (In Russ.)
- Leontiev D.A. Quality of life and the well-being: objective, subjective and agentic aspects. *Psychological journal*. 2020, Vol. 41, N 6, P. 86–95. DOI: [10.31857/S020595920012592-7](https://doi.org/10.31857/S020595920012592-7) (In Russ.)
- Makusheva V.O., Nestik T.A. Socio-psychological preconditions and effects of trust in social institutions in a pandemic. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2020, N 6, P. 427–447. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770> (In Russ.)
- Nikovskaya L.I. Public policy in contemporary Russia: between corporative-bureaucratic and civic-modernizatory choice. In: *Public space, civic society and authorities*. Moscow: RAPN, ROSSPEN, 2008, P. 122–131. (In Russ.)
- Nestik T.A. Constructing of the collective future image in the state of uncertainty. In: Asmolov A. (ed.). *Mobilis in mobile: Personality in times of uncertainty*. Moscow: YASK publishing, 2018, P. 213–225. (In Russ.)

- Petukhov R.V. The request for change: political and value dimension. *Polis. Political studies*. 2020, N 6, P. 103–118. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.08> (In Russ.)
- Pishchik V.I. Value measurements of generations through actualized fears. *Social psychology and society*. 2019, Vol. 10, N 2, P. 67–81. DOI: 10.17759/sps.2019100206 (In Russ.)
- Shestopal E. (ed.). *Authorities and leaders in perception of Russian citizens (1993–2018)*. Moscow: Ves mir, 2019, 656 p. (In Russ.)
- Soloviev A.I. Political agenda of the government or why the state needs the society. *Polis. Political studies*. 2019, N 4, P. 8–25. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.02> (In Russ.)
- Soloviev A.I. Frontier zones of public policy. *Political science (RU)*. 2021, N 3, P. 183–204. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.08> (In Russ.)
- Sungurov A. Yu. Mediating institutions and their role in public policy evolution in Russia. In: *Public policy in the context of modernization tasks in Russia*. Moscow: RAPN, ROSSPEN, 2012, P. 195–218. (In Russ.)
- Smorgunov L.V. (ed.). *Governing the public policy*. Moscow: Aspect press, 2015, 320 p. (In Russ.)
- Urnov M. Ju. *Emotions in political behavior*. Moscow: Aspect press, 2008, 240 p. (In Russ.)
- Yakimets V.N. *Intersectional social partnership: theory, principles, mechanisms*. Moscow: URSS, 2004, 382 p. (In Russ.)
- Yanitsky M.S. *Value dimension of public mind*. Novosibirsk: Siberian bureau RAS, 2012, 237 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Беляева Н.Ю. Публичная политика в России: сопротивление среды // *Полис. Политические исследования*. – 2007. – № 1. – С. 22–31. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2007.01.03>
- Власть и лидеры в восприятии российских граждан Четверть века наблюдений (1993–2018) / отв. ред. Е.Б. Шестопал. – М.: Издательство «Весь Мир», 2019. – 656 с.
- Дуткевич П., Казаринова Д.Б. Страх как политика // *Полис. Политические исследования*. – 2017. – № 4. – С. 8–21. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.02>
- Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Особенности проявления коллективных чувств к значимым социальным явлениям: сравнительный анализ групп с разной политической ориентацией // *Наука. Культура. Общество*. – 2016. – № 2. – С. 91–104.
- Леонтьев Д.А. Качество жизни и благополучие: объективные, субъективные и субъектные аспекты // *Психологический журнал*. – 2020. – Т. 41, № 6. – С. 86–95. – DOI: 10.31857/S020595920012592–7
- Магун В.С., Руднев М.Г., Шмидт П. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. – 2015. – Т. 121, № 3–4. – С. 74–93.

- Макушева М.О., Нестик Т.А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 6. – С. 427–447. – DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770>
- Никовская Л.И. Публичная политика в современной России: между корпоративно-бюрократическим и гражданско-модернизаторским выбором // Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия. – М.: РАПН, РОССПЭН, 2008. – С. 122–131.
- Нестик Т.А. Конструирование коллективного образа будущего в условиях неопределенности // Mobilis in mobile: личность в эпоху перемен / под ред. А.Г. Асмолова. – М.: Издательский дом ЯСК, 2018. – С. 213–225.
- Петухов Р.В. Запрос на перемены: политико-ценностное измерение // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 6. – С. 103–118. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.08>
- Пищик В.И. Ценностные измерения поколений через актуализируемые страхи // Социальная психология и общество. – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 67–81. – DOI: [10.17759/sps.2019100206](https://doi.org/10.17759/sps.2019100206)
- Россия на новом переломе: страхи и тревоги / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. – М.: Альфа-М, 2009. – 160 с.
- Радиков И.В. Политический страх как фактор современной политики // Власть. – 2017. – № 4. – С. 43–49.
- Соловьев А.И. Политическая повестка правительства, или Зачем государству общество // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 4. – С. 8–25. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.02>
- Соловьев А.И. Фронтальные зоны публичной политики // Политическая наука. – 2021. – № 3. – С. 183–204. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.08>
- Сунгуров А.Ю. Институты-медиаторы и их роль в развитии публичной политики в современной России // Публичная политика в контексте задач модернизации России: конструктивный потенциал и формы использования. – Москва: РАПН, РОССПЭН, 2012. – С. 195–218.
- Управление публичной политикой: Коллективная монография / под ред. Л.В. Сморгунова. – Москва: Аспект пресс, 2015. – 320 с.
- Урнов М.Ю. Эмоции в политическом поведении. – М.: Аспект пресс, 2008. – 240 с.
- Черныш М.Ф. Факторы, влияющие на переживание счастья в российском обществе // Социологическая наука и социальная практика. – 2019. – Т. 7, № 2. – С. 9–33. – DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6407>
- Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы: научное издание. – М.: УРСС, 2004. – 382 с.
- Яницкий М.С. Ценностное измерение массового сознания. – Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2012. – 237 с.